

Поэт

- Господин редактор, - сказал мне посетитель, смущенно потупив глаза на свои ботинки, - мне очень совестно, что я беспокою вас. Когда я подумаю, что отнимаю у вас минутку драгоценного времени, мысли мои ввергаются в пучину мрачного отчаяния... Ради Бога, простите меня!

- Ничего, ничего, - ласково сказал я, - не извиняйтесь.

Он печально свесил голову на грудь.

- Нет, что уж там... Знаю, что обеспокоил вас. Для меня, не привыкшего быть назойливым, это вдвойне тяжело.

- Да вы не стесняйтесь! Я очень рад. К сожалению, только ваши стихи не подошли.

- Э?

Разинув рот, он изумленно посмотрел на меня.

- Эти стихи не подошли?!

- Да, да. Эти самые.

- Эти стихи?! Начинающиеся:

Хотел бы я ей черный локон Каждое утро чесать

И, чтоб не гневался Аполлон, Ее волосы целовать...

Эти стихи, говорите вы, не пойдут?!

- К сожалению, должен сказать, что не пойдут именно эти стихи, а не какие-нибудь другие. Именно начинающиеся словами:

Хотел бы я ей черный локон...

- Почему же, господин редактор? Ведь они хорошие.

- Согласен. Лично я очень ими позабавился, но... для журнала они не подходят.

- Да вы бы их еще раз прочли!

- Да зачем же? Ведь я читал.

- Еще разик!

Я прочел в угоду посетителю еще разик и выразил одной половиной лица восхищение, а другой - сожаление, что стихи все-таки не подойдут.

- Гм... Тогда позвольте их... Я прочту! "Хотел бы я ей черный локон..."

Я терпеливо выслушал эти стихи еще раз, но потом твердо и сухо сказал:

- Стихи не подходят.

- Удивительно. Знаете что: я вам оставлю рукопись, а вы после прочтите в нее. Вдруг да подойдет.

- Нет, зачем же оставлять?!

- Право, оставлю. Вы бы посоветовались с кем-нибудь, а?

- Не надо. Оставьте их у себя.

- Я в отчаянии, что отнимаю у вас секундочку времени, но...

- До свиданья!

Он ушел, а я взялся за книгу, которую читал до этого. Развернув ее, я увидел положенную между страниц бумажку. Прочел: Хотел бы я ей черный локон... Каждое утро чесать И, чтобы не гневался Аполл...

- Ах, черт его возьми! Забыл свою белиберду... Опять будет шлаться! Николай! Догони того человека, что был у меня, и отдай ему эту бумагу.

Николай помчался вдогонку за поэтом и удачно выполнил мое поручение.

В пять часов я поехал домой обедать. Расплачиваясь с извозчиком, сунул руку в карман пальто и нащупал там какую-то бумажку, неизвестно как в карман попавшую. Вынул, развернул и прочел: Хотел бы я ей черный локон Каждое утро чесать И, чтоб не гневался Аполлон, Ее волосы целовать... и т. д.

Недоумеая, как эта штука попала ко мне в карман, я пожал плечами, выбросил ее на тротуар и пошел обедать. Когда горничная внесла суп, то, помявшись, подошла ко мне и сказала:

- Кухарка чичас нашла на полу кухни бумажку с написанным. Может, нужное.

- Покажи.

Я взял бумажку и прочел:

- "Хотел бы я ей черный ло..." Ничего не понимаю! Ты говоришь, в кухне, на полу? Черт его знает... Кошмар какой-то!

Я изорвал странные стихи в клочья и в скверном настроении сел обедать.

- Чего ты такой задумчивый? - спросила жена.

- Хотел бы я ей черный ло... Фу-ты черт!! Ничего, милая. Устал я.

За десертом - в передней позвонили и вызвали меня... В дверях стоял швейцар и таинственно манил меня пальцем.

- Что такое?

- Тсс... Письмо вам! Велено сказать, что от одной барышни... Что оне очень, мол, на вас надеются и что вы их ожидания удовлетворите!..

Швейцар дружелюбно подмигнул мне и хихикнул в кулак. В недоумении я взял письмо и осмотрел его. Оно пахло духами, было запечатано розовым сургучом, а когда я, пожав плечами, распечатал его, там оказалась бумажка, на которой было написано: Хотел бы я ей черный локон...

Все от первой до последней строчки.

В бешенстве изорвал я письмо в клочья и бросил на пол. Из-за моей спины выдвинулась жена и в зловещем молчании подобрала несколько обрывков письма.

- От кого это?

- Брось! Это так... глупости. Один очень надоедливый человек.

- Да? А что это тут написано?... Гм... "Целовать"... "каждое утро"... "черты... локон..." Негодяй!

В лицо мне полетели клочки письма. Было не особенно больно, но обидно.

Так как обед был испорчен, то я оделся и, печальный, пошел побродить по улицам. На углу я заметил около себя мальчишку, который вертелся у моих ног, пытаясь всунуть в карман пальто что-то беленькое, сложенное в комочек. Я далеко тумака и, заскрежетав зубами, убежал. На душе было тоскливо. Потолкавшись по шумным улицам, я вернулся домой и на пороге парадных дверей столкнулся с нянькой, которая возвращалась с четырехлетним Володей из кинематографа.

- Папочка! - радостно закричал Володя. - Меня дядя держал на руках! Незнакомый... дал шоколадку... бумажечку дал... Передай, говорит, папе. Я, папочка, шоколадку съел, а бумажечку тебе принес.

- Я тебя высеку, - злобно закричал я, вырывая из его рук бумажку сознакомыми словами: "Хотел бы я ей черный локон"... - ты у меня будешь знать!..

Жена встретила меня пренебрежительно и с презрением, но все-таки сочланужным сообщить:

- Был один господин здесь без тебя. Очень извинялся за беспокойство, что принес рукопись на дом. Он оставил ее тебе для прочтения. Наговорил мне массу комплиментов (вот это настоящий человек, умеющий ценить то, что другие не ценят, меняя это то - на продажных тварей) и просил замолвить словечко за его стихи. По-моему, что ж, стихи как стихи... Ах! Когда он читал о локонах, то так смотрел на меня...

Я пожал плечами и пошел в кабинет. На столе лежало знакомое мне желание автора целовать чьи-то волосы. Это желание я обнаружил и в ящике с сигарами, который стоял на этажерке. Затем это желание было обнаружено внутри холодной курицы, которую с обеда осудили служить нам ужином. Как это желание туда попало - кухарка толком объяснить не могла. Желание чесать чьи-то волосы было усмотрено мной и тогда, когда я откинул одеяло с целью лечь спать. Я поправил подушку. Из нее выпало то же желание. Утром после бессонной ночи я встал и, взявши вычищенные кухаркой ботинки, пытался натянуть их на ноги, но не мог, так как в каждом лежало по идиотскому желанию целовать чьи-то волосы. Я вышел в кабинет и, севши за стол, написал издателю письмо с просьбой об освобождении меня от редакторских обязанностей. Письмо пришлось переписывать, так как, сворачивая его, я заметил на обороте знакомый почерк: Хотел бы я ей черный локон...